Марк Клэпхем

Это было зрелище, которое немногие когда-либо видели — вид изнутри Имперского линейного крейсера на поверхность планеты, не нарушаемый ничем, кроме слабого мерцания защитного энергетического поля. Мир внизу, окруженный яростно пылающим гало атмосферы, заполнял все поле зрения. Даже наиболее пресыщенные из людей признали бы это редкостным зрелищем, которое заслуживает хотя бы недолгого внимания.

Каспел пытался игнорировать его и старался держаться спиной к дыре, зияющей в корпусе корабля, насколько это было возможно. Не то что бы он страдал от головокружения — само присутствие мира внизу его тревожило.

Будучи техножрецом Адептус Механикус, служа во славу машин и Императора, Каспел никогда не ощущал чужую землю под своими ботинками и никогда не встречался с ксеносом лицом к лицу. Его воспитали на Марсе, родине братства, а позже он выполнял свой священный долг на технических палубах звездных кораблей Имперского Флота. Всю свою жизнь он ходил по коридорам из освященного металла, и хоть и гордился тем, что делал свой вклад в борьбу с врагами человечества, не имел никакого желания вступать в прямой контакт ни с чужаками, ни с их мирами.

У него было много работы. В корпусе имперского линейного крейсера «Божественная святость» имелась серьезная пробоина — результат удара, нанесенного в бою поврежденным некронским кораблем, который разрушил часть технической палубы и парализовал одну из двигательных установок корабля. Битва продолжалась весь день, и огонь озарил небо, когда боевой флот собрал все силы, чтобы отбросить врага.

Человечество одержало победу, но в то время, как остальной флот продолжил теснить некронов, урон, нанесенный двигателям «Святости», вынудил ее висеть на орбите над ныне мертвым миром. Временные энергетические поля сохраняли атмосферу и гравитацию в открытых космосу отсеках, а между тем капитан Рилк яро жаждал вернуться на фронт, как только это стало бы возможно, и в недвусмысленных выражениях изложил это желание Каспелу.

Каспел нашел эти страстные просьбы ненужными и слегка оскорбительными — он был техножрецом, и он бы восстановил все системы в полном благословенном порядке при помощи правильного ремонта и ритуалов, так эффективно, насколько можно. Разве он мог сделать больше или меньше?

В восстановленной атмосфере Каспел и его сервиторы могли работать быстро и эффективно. Наиболее серьезный урон пришелся на одну из двигательных установок корабля, каждая из которых представляла собой полный машин шестиугольный корпус высотой с жилблок, тянущийся по всей длине огромного помещения, что оканчивалось конусом маневрового двигателя в самой задней части корабля. Пласталевая стена отделяла видимый конец установки от самого маневрового двигателя. Помещение полностью вмещало в себя

двигательную установку, сверху и внизу от нее имелись технические ярусы, а с каждой стороны — проходные мосты.

Там и стоял Каспел, глядя вниз, в сторону оканчивающегося маневровым двигателем конца отсека. Слева от него зияла дыра в обшивке, справа бригады сервиторов методично устраняли повреждения, нанесенные двигателю. Разрыв корпуса простирался как вверху, так и внизу, и, чтобы добраться до поврежденного двигателя, сервиторам пришлось устроить целую оснастку из временных лесов — шаткую сеть проводов и трубчатых балок, с которой часто открывался вид в открытый космос.

У сервиторов не было самосознания, поэтому их не могла беспокоить иллюзия бесконечного падения вниз. Каспел заходил на леса, только когда срочно требовалось его присутствие.

Работа сегодня шла хорошо. Сервиторы могли быть ненадежны, но под правильным наблюдением и с точными инструкциями, как обнаружил Каспел, их многочисленные руки — и другие механические конечности — легко управлялись с несложным ремонтом.

Чувство открытости из-за разрыва в обшивке нервировало его, и Каспел ощутил облегчение, покинув двигательный отсек и вернувшись в более темные секции технической палубы.

В течение следующего часа Каспел бродил по темным коридорам и шахтам доступа, оплетавшим механизмы огромных двигателей, по большей части на ногах, но периодически используя три механодендрита, присоединенных к его позвоночнику, чтобы забраться в труднодоступные места. По мере продвижения он отмечал ход выполнения работ и раздавал новые инструкции техноматам, время от времени останавливаясь, чтобы произвести нужный ритуал или вознести молитву.

Срезав путь между двумя уровнями по воздуховоду — при этом его механодендриты находили опору там, где не смогли бы человеческие пальцы — Каспел прочитал несколько диагностических заклинаний, ритуально прорабатывая процессы работы двигателя, и произвел церемонии, которые вернули бы каждую отремонтированную часть обратно на связь.

Что-то было не так. Работа продвигалась, но системы не отвечали, как должны были — целые области, которые должны были выйти на связь, все еще молчали. Странно.

Каспел выпал из шахты и приземлился на палубу — пластины пола лязгнули под его весом. Коридор, в который он попал, был, фактически, трубой, облицованной по стенам и полу толстыми плитами пластали. Более богатые украшения в Имперском стиле были прибережены для другого конца корабля, где жили и работали офицеры. На технических палубах практичность стояла выше эстетики: трубки и кабели, словно нитки, уходили внутрь и наружу из стен, неподписанные двери вели в небольшие рабочие помещения, полные когитаторных терминалов и запасных деталей.

Каспел разгладил толстую красную мантию, которая покрывала его утилитарную кожаную спецодежду, и собирался следовать к следующей точке своего инспекционного маршрута,

когда заметил руку, торчащую из ниши в стене дальше по коридору. Это была мясистая рука, завершающаяся простым клешнеобразным придатком.

Он приблизился и обнаружил одного из сервиторов, тяжело осевшего в нише, с головой, свешенной набок, пеной у рта и расширенными глазами. Не было ничего необычного в том, что сервиторы выходили из строя, теряли связность мышления, и их выбрасывали в космос, но в диком выражении этих глаз было что-то, что заставило Каспела помедлить.

Он переключил зрение в аугметическом глазу на тепловое и рассмотрел сердце сервитора — торопливо пульсирующую массу в груди, которая интенсивно накачивала кровь. Легкие также работали сверх нормы. Как будто бы… Каспел опустился на одно колено и перекатил сервитора на живот. Рукой в перчатке он провел по имплантатам на задней части шеи — механизмам, которые превращали выращенного в баке гуманоида в роботоподобное существо, способное выполнять простые задачи. Пальцы Каспела нащупали то, о чем он и подозревал — аккуратный разрез был проделан в одном кабеле, и провода внутри поменяли местами.

Это изменение было простым, но специфическим — оно отменяло действие нейроглушителя, который не давал сервиторам отвлекаться из-за физической боли. Кто-то очень точно изменил это бесчувственное существо, чтобы заставить его испытывать сильнейшие страдания. Каспел вырвал кабель, а затем отсоединил еще пару связей, отрезав поступление энергии к мозгу. Сервитор какое-то время содрогался, а затем умер.

Поднявшись на ноги, Каспел поправил себя. Сервитор никогда не был живым. Как бы то ни было, о таком явном саботаже нужно было сообщить. Он попытался воксировать главе службы безопасности корабля, но ничего не услышал, кроме шума статики. Попробовал связаться с другими офицерами или выйти на открытый канал, но там был все тот же шум.

Нет, это была не совсем статика. Звучало это похоже на случайные помехи, но Каспел смог различить повторяющиеся паттерны. Этот сигнал давали намеренно, блокируя связь.

Кто-то изолировал технические палубы.

Каспел был технопровидцем, не воином. Хотя он и получил азы науки владения оружием, сперва на Марсе, а затем по пути на флот, эта тренировка нужна была лишь для выполнения базовых требований к любому подданному Бога-Императора — чтобы, оказавшись в сражении, любой человек мог поднять оружие павшего воина и сражаться до последнего. Если бы корабль брали на абордаж, Каспел имел достаточно квалификации, чтобы подобрать болт-пистолет и несколько раз выстрелить во врага.

Это… Каспел даже точно не знал, какого рода была ситуация, в которую он угодил. Ему нужно было проявить осторожность и выяснить, насколько широко распространяется изоляция. Он нашел в алькове когитаторное устройство и запустил несколько простых программ диагностики. Не только связь между технической палубой и остальным кораблем была блокирована, переборки между ними также были задраены. Каспел попытался устранить эти препятствия, но обнаружил, что его выкинуло из нужного меню, а на экране замерцал «шум».

Это мерцание помех означало только одну вещь: мусорный код, хаотические данные, введенные в когитационные системы корабля, чтобы вызывать нарушения работы, в данном случае незримое блокирование связи на борту.

Дыхание Каспела участилось под маской: Адептус Механикус считали создание и использование мусорного кода ересью, серьезным преступлением против машинного духа. Каспел был технопровидцем, его призванием были машины и тяжелые механизмы. Он знал некоторые ритуалы и практики обслуживания когитаторов, но даже близко не представлял, как расстроить и вычистить мусорный код. Каспел не мог добиться ничего большего от когитатора.

Машинный дух «Божественной святости» был под угрозой осквернения, и, похоже, Каспел был единственным, кто мог попытаться его спасти.

Каспел ступал тихо, насколько мог, следуя по изогнутому коридору. В мраке ничего не было видно и почти ничего не слышно, кроме приглушенного бульканья густого охладителя, текущего по присоединенным к стене трубам, которые тянулись до самого генераториума. Охладитель вытягивал излишний жар из генераториума, а затем нагревшаяся жидкость утекала к краям корабля, где близость к холодной пустоте космоса снова понижала ее температуру.

Каспел приближался к одному из тех мест, куда он установил работать сервиторов. Он мог слышать шипение сварочных аппаратов, что соответствовало задаче, поставленной Каспелом, но, тем не менее, он оставался настороже и еще более замедлил свой шаг. В этом месте требовалась тяжелая работа, и различные инструменты были приставлены к стене, выстроенные по размеру, так что даже менее эффективные сервиторы могли понять, какой требуется. Каспел осторожно обошел сложенные друг на друга пласталевые панели.

Затем на краткий миг одна из сварочных горелок за углом зрелищно полыхнула, и яркий оранжевый свет поглотил коридор впереди, отбросив на стену густую черную тень. Это были силуэты двух фигур — одна, приземистая, принадлежала сервитору, который висел, согнувшись, как будто его приковали цепью за запястья, а другая была выше, неестественно тонкая — она стояла с расставленными ногами, подняв и вытянув одну руку с чудовищными остроконечными пальцами — или это были клинки? В те недолгие секунды, что коридор был освещен, высокая фигура взмахнула рукой, опустив ее прямо на живот другой. Затем источник света погас и тени исчезли, оставив лишь эхо звука раздираемой плоти.

Дыхание Каспела застряло в горле, ребризер его маски быстро заработал, нормализуя подачу воздуха. В голове стремительно сменялись мысли. Кем бы ни была эта вторая фигура, это был ни человек, ни сервитор. Ее пропорции, то, как она двигалась, все было просто неправильным. Чужим.

Каспел невольно сделал шаг назад, и позади раздался грохот металла. Он инстинктивно обернулся и увидел, что наткнулся на стопку панелей.

Всякое чувство облегчения рассеялось, когда он осознал, насколько громким должен был быть

этот звук. У Каспела едва оставалось время, чтобы оглянуться назад в коридор и увидеть стройную, поблескивающую фигуру, как будто вырезанную из теней, стремительно движущуюся к нему. Ее движения были грациозны, почти беззвучны, — ноги едва касались металлической палубы, — однако наделены ужасающей скоростью и силой. Фигура из теней подняла одну руку, обрушиваясь на Каспела, и он увидел, что та действительно носила нечто вроде снабженной клинками перчатки.

У Каспела не было времени, чтобы что-то сделать, он ступил назад и споткнулся. Механодендриты инстинктивно вытянулись позади, смягчая падение и подталкивая его, возвращая на ноги. Каспел не попытался встать или сбежать, а перекатился вбок, к другому краю коридора.

Чужак — и это несомненно был чужак — что-то невнятно пробормотал от разочарования, когда Каспел уклонился от его первого удара, а клинки на руке широким взмахом прорезали стену, проходя через пласталь, как через бумагу. Эффект мерцающей тени вдруг мигнул и рассеялся, как помехи на экране когитатора, и Каспел впервые смог как следует рассмотреть врага.

Перед ним стояло существо в хитиноподобном черном доспехе, с удлиненными, мертвенно-бледными чертами лица. Длинный, жестокий рот был сведен в гримасе злобной досады, глубоко посаженные глаза расширены от ненависти.

Каспел никогда не видел одного из них раньше, но распознал, кем являлось это существо: эльдар. Когда высокий ксенос двинулся к нему с пугающей скоростью, Каспел схватился одним из механодендритов за охлаждающую трубу на стене и подтянулся, встав на ноги. Затем, секунду спустя, Каспел изо всех сил толкнул себя в сторону, и снова когтистая рука эльдара прошла через пустое место, где он только что стоял.

На этот раз, впрочем, эльдар прорвал не только стену — когти его руки вонзились в одну из труб с охладителем. Из пяти глубоких разрезов на трубе высвободился жидкий замораживающий гель, накачиваемый под высоким давлением, и брызнул в коридор.

Эльдар закричал — нестройный, жуткий, нечеловеческий звук — когда в него на полной скорости ударила замораживающая жидкость. Он зашатался, водяные частицы в воздухе вокруг него смерзлись, и облако пара поглотило его.

Столь сильный холодовой ожог убил бы даже самого сильного из людей, однако Каспел не желал идти на какой-либо риск. Он подобрал один из гаечных ключей, приставленных к стене, и, держа инструмент обеими руками, размахнулся по широкой дуге и привел его в контакт с головой эльдара.

От удара она разлетелась дождем обледенелых фрагментов, которые застучали по полу и стенам, рикошетя во всех направлениях. Выброс охладителя намертво заморозил всю голову, сделав ее хрупкой.

Безголовое тело эльдара тяжело рухнуло на пол — в смерти вся его текучая грация исчезла.

Когтистая перчатка и большая часть предплечья также разбились на замерзшие частицы и почерневшие куски, которые закрутились по полу.

Предохранители в охлаждающей трубе зашипели и закрыли поврежденную часть, переводя поток на дополнительные трубы. Температура в коридоре восстановилась до нормальной, дымка рассеялась.

Каспел упал на колени. Гаечный ключ в его руках казался тяжелее, чем вообще мог быть. Едва не попался. Он не был подготовлен, а вероятность того, что импровизация с охладителем сработает, была ничтожно мала. Менее практически мыслящий человек сказал бы, что ему «повезло».

Опираясь на ключ, Каспел поднялся на ноги и взглянул сверху на безголовый труп эльдара. Значит, вот он, враг. Даже мертвый, безликий и недвижимый, он вызывал отвращение — от бледной обнаженной кожи до неестественного блеска черной брони.

Каспел сказал себе, что нет смысла осматривать тело, что доспех слишком тесен, чтобы скрывать какое-либо оружие, помимо разбитой перчатки, и что если даже у эльдара были какие-то планы, Каспел не смог бы читать на их языке. Но он знал, что это всего лишь оправдания — он не мог бы заставить себя прикасаться к телу, вступить в прямой контакт с пришельцем.

Он узнал этот черный доспех и его мерцающую защиту по рассказам и инструкциям. Эти «темные эльдары» были запятнаны Хаосом и совмещали способности и выучку своего воинского наследия с непредсказуемой жестокостью темных сил.

Каспел, напротив, не был воином, он был работником, обслуживающим машины. Любая попытка вступить в прямое противостояние с эльдаром закончилась бы поражением, и тогда «Святость», ее миссия, ее команда и ее машинный дух были бы обречены.

Ему нужно было убивать их иными способами, использовать собственные методы и машинерию, в которой он был экспертом. Эти эльдары были оскорблением для машинного духа «Святости», и этот дух должен был предоставить средства для их уничтожения.

Если бы другие эльдары были поблизости, они бы уже атаковали. Каспел чувствовал в себе достаточно уверенности, чтобы пройти по коридору до того места, где выпотрошенный сервитор свисал с потолка. Каспел проигнорировал его, подобрал брошенный сварочный аппарат, который медленно проплавливал дыру в полу, отключил его и отбросил в сторону. Это устройство пригодилось эльдару для пыток, однако требовало слишком малого расстояния, чтобы представлять какую-то пользу для Каспела.

Он не мог рисковать, вновь используя охладитель, потому что эти трубы могли выдержать лишь определенное количество повреждений, прежде чем система начала бы давать сбои и появилась бы угроза критического перегрева. Но были и другие механизмы, которые могли помочь.

Глубоко задумавшись, Каспел подобрал сварочный аппарат, который только что выбросил, и начал отвинчивать панель сбоку инструмента.

Генераториум был крупнейшим помещением на инженерной палубе, которое занимали генераторные блоки, монолитные структуры, выстроенные в линию в одном конце комнаты. Каждый приземистый блок был металлическим сверху и снизу, а посередине имел прозрачные панели, за которыми было видно, как курсируют мощные потоки раскаленной добела энергии, треща вокруг светящихся от нагрева элементов. В открытом пространстве перед блоками отдельно стояли когитаторные терминалы, показывающие поступление энергии, а клепаные колонны простирались от пола до потолка, укрепляя все помещение. Огромные кабели, покрытые мощной изоляцией, тянулись от блоков и проходили в стены, полы и потолки, подавая энергию во все части корабля.

Другие терминалы стояли вдоль стен по обеим сторонам от блоков, а прямо напротив стену усеивало полдюжины вентиляторов с широкими лопастями, которые находились в просторных воздуховодах — все они пока что не работали, но могли вытянуть воздух из комнаты в считанные секунды, если бы это потребовалось. Каждый вентилятор был закрыт тонкой проволочной решеткой и установлен на высоте лица.

Генераториум не был тихим местом — непрекращающееся гудение энергии, заточенной в генераторных блоках, наполняло воздух. Каспел прошел внутрь через дверь в тени блоков, и, хотя мог услышать повышенные голоса поверх гула, не мог различить ни слова.

Медленно продвигаясь вдоль блоков к этим голосам, Каспел начал различать слова. Было слышно два голоса, оба — мужские, но ни один не был человеческим. Они говорили на Имперском готике без заметного акцента, и их речь была как-то странно неестественна, как если бы они выучили язык, ни разу его не слышав.

— Давай попробуем снова, — сказал один. — Как восстановить подачу энергии? — голос был бесконечно утомлен, как будто разговаривал с ребенком или домашним животным.

— Скажи сейчас же, — потребовал другой, более резкий голос. — Тогда мы сделаем это быстро.

Послышался рваный, сбивчивый звук, а затем третий, человеческий голос слабо заговорил.

— Я сказал вам… я не знаю, — пауза, еще один надрывный вздох, — и если бы я знал, вы могли бы…

Тяжелый кашель оборвал оскорбление. Каспел узнал по голосу Валлона, одного из помощников капитана, который проводил большую часть времени, передавая приказы по «Святости». Без сомнения, он был послан вниз на инженерную палубу, чтобы проверить работу Каспела, только для того, чтоб попасться эльдарам.

Каспел не сомневался, что Валлон говорит правду — если он сам не смог разобраться с

проблемой подачи энергии, то не имеющий отношения к технике офицер тем более не мог бы это сделать.

Когда эльдары поймут это, Валлон умрет. Времени оставалось немного. Каспел проверил небольшой мешочек с жидкостью, привязанный к поясу, и аккуратно отвязал его. Мешочек был герметично запечатан, но его содержимое было нестабильно. Он осторожно взял его рукой в перчатке.

Подготовившись, он заглянул за угол. В пустом пространстве перед блоками стояло лишь двое эльдаров, возвышаясь над Валлоном, привязанным к одной из колонн, подпиравших потолок. Валлон, который почти лежал на полу, с руками, закрученными назад, за столб, с вызовом смотрел на эльдаров снизу вверх. Его униформа была разорвана спереди, лицо и грудь были усеяны порезами и кровоподтеками.

Каспелу снова повезло, так как эльдары стояли спинами к нему, повторяя свои вопросы со все большей требовательностью. Более лаконичный эльдар опирался на украшенный посох, в то время как другой был вооружен угрожающе зазубренным клинком. Оба носили ту же черную броню, что и уже уничтоженное Каспелом существо.

Он быстро изучил комнату, прикинув расстояние. Его технический ум быстро рассчитал, что требуется. Это было возможно — едва-едва.

— Скажи нам то, что мы хотим знать! — прошипел эльдар с клинком. Он двинулся так, как будто хотел вонзить в Валлона свое оружие, но это было лишь притворство — вместо этого он убрал клинок и ударил пустой рукой, попав ее тыльной стороной по лицу Валлона. Шипы на перчатке эльдара оставили неглубокие порезы на его щеке.

Каспел вышел из теней, настроив звук в воксе своей маски для наибольшего эффекта.

— Спросите меня, — сказал он, и его синтетический голос эхом разнесся по комнате.

Его слова имели ожидаемый эффект. Эльдары резко развернулись, слишком хорошо натренированные, чтобы показывать удивление или досаду, или, возможно, слишком иные, чтобы хотя бы чувствовать эти вещи. Они не ответили, но отреагировали, направившись к Каспелу в тот же миг, как отметили его присутствие.

Но Каспел двинулся первым, побежав не к эльдарам, а к дальней стене помещения, где груда ящиков лежала под огромными вентиляторами-экстракторами. Эта стена была несколько ближе к Каспелу, чем к эльдарам, поэтому он имел преимущество на старте.

Не оглядываясь, он продолжал бежать. Они должны желать взять его живым, узнать то, что ему известно, или, по крайней мере, он на это надеялся. Если же он был неправ, выстрел в спину свалит его довольно скоро.

Добравшись до ящиков, Каспел запрыгнул на один из них, который был лишь в треть его роста высотой. Когда он карабкался на следующий, эльдар с посохом метнул свое оружие. Посох пробил мантию Каспела и воткнулся в один из контейнеров, едва не угодив ему в бок.

Ткань порвалась, когда Каспел забрался выше, и он обругал себя за то, что не бросил мантию раньше. Пока его пальцы искали опору, он при помощи механодендритов рванул тонкую защитную решетку с вентилятора. Она поддалась с первой попытки, заклепки вылетели и дождем посыпались вниз.

Горизонтальная шахта была вдвое выше человеческого роста, и три близко размещенных вентилятора отделяли Каспела от следующей решетки, за которой шахта резко опускалась вниз к следующей группе вентиляторов, а затем выходила в отводную трубу, выбрасывающую пары прямиком в космос. У каждого из трех вентиляторов было по шестнадцать лопастей, и Каспелу приходилось осторожно маневрировать, чтобы протиснуться между ними. Пробираясь меж бритвенно-острых лопастей первого вентилятора, который располагался лишь чуть дальше начала шахты, он осмелился глянуть назад. Вооруженный клинком эльдар был уже вблизи и готов ударить. Каспел убрал обутую в сапог ногу как раз перед тем, как меч опустился, и вкатился в промежуток между первыми двумя вентиляторами.

Каспел кое-как поднялся на ноги в этом узком пространстве и начал протискиваться меж лезвий следующего вентилятора. Он поскользнулся на промасленной, изогнутой поверхности воздуховода и, защищая себя, поднял руку, врезавшись в лопасть вентилятора. Лезвие прорезало один из рукавов его спецовки и слегка задело левую руку, пустив кровь. Он поморщился.

Впрочем, Каспел быстро собрался. Остался еще один. Он обернулся и увидел, как меченосец грациозно проходит между неподвижными лопастями первого вентилятора, изгибая свои тонкие конечности, как натренированный гимнаст.

Промежутки между вентиляторами были невелики, и Каспел оказался у последнего вентилятора сразу же, как только прошел через второй. Подавив опасную спешку, он протиснулся между лезвиями. Один из механодендритов звякнул о лопасть, но он прошел.

Каспел встал спиной к проволочной решетке, отделявшей его от отвесно уходящей вниз трубы, в руке у него был мешочек с жидкостью. Эльдары уже почти что настигли его, меченосец уже проходил через второй вентилятор, а его товарищ следовал в шаге за ним.

Каспел швырнул мешочек между лопастей, и тот угодил в стену воздуховода прямо у второго вентилятора. Содержимое брызнуло в стороны, заливая все вокруг, и тут же вспыхнуло.

Каспел аккуратно сливал эту жидкость из сварочного аппарата, зная, что она весьма нестабильна, особенно в насыщенной кислородом среде. Эльдары слегка отшатнулись от огня, но не встревожились. Да и с чего бы? Они носили броню, а это было всего лишь слабое пламя.

Однако слабое пламя представляло опасность для чувствительных устройств боевого корабля,

и на нем имелись системы, чтобы бороться с ним. Когда в шахте вспыхнул огонь, вентиляторы ожили без предупреждения, мгновенно перейдя из полной неподвижности в стремительное вращение.

Каспела сдуло назад, на решетку, и тройные лезвия вгрызлись в двух эльдаров, разрезая и броню, и плоть, и кровь без всяких различий. Решетка прогнулась под его весом, но выдержала, в то время как струя воздуха и останки эльдаров понеслись по воздуховоду, прошли через проволочные ячейки, соскользнули вниз по шахте и вылетели в космос.

Пламя самодельного зажигательного снаряда быстро выдохлось, и вентиляторы прекратили движение так же резко, как начали. Каспел моргнул, вытирая кровь с линз своей маски. Не обращая внимания на останки чужаков, размазанные по воздуховоду, он начал осторожно пробираться назад в генераториум.

У Валлона было сломано ребро и, вероятно, проткнуто легкое. Это не помешало ему говорить, пока Каспел его развязывал.

— Пришел вниз, чтобы найти тебя, — сказал он, разминая руки и вздрагивая от боли. — Потом их группа появилась из ниоткуда. Я думаю, их еще несколько, включая предводителя. Они связали меня и оставили здесь, чтобы поиграть попозже. Потом, когда у них появились проблемы с техникой, начали задавать вопросы.

Валлон кивнул на вереницу небольших черных устройств, стоящих у подножий генераторных блоков. Каспел не заметил их раньше — в их почти лишенной черт черноте было нечто, что заставляло взгляд ускользать от них в сторону. Пока Валлон медленно пытался встать на ноги, Каспел изучил одну из чужеродных машин.

Это была коробочка с выгнутыми краями, на вид как будто сделанная из некоего камня или кристалла. Зубчатый орнамент в верхней части мог представлять собой устройство управления или же инструкции. Полупрозрачные кабели змеились из механизма, одни присоединялись к различным точкам генераторных блоков, другие — к соседним машинам чужаков. Следуя взглядом за кабелями, он мог видеть, что некоторые из них ведут наружу, в коридоры корабля.

— Я думаю, — сказал Валлон, — это для того, чтобы двигать «Святость».

— Да, — ответил Каспел, — полагаю, ты прав.

Темные эльдары владели собственными способами перемещения, едва ли понятными другим видам. Могло ли подобное устройство, подпитанное достаточным количеством энергии, перетаскивать в космосе целый линейный крейсер? Каспер не мог ответить. Что бы оно ни делало, оно являлось еретической технологией, не принадлежащей к священным машинам Империума.

Каспел решил не трогать эльдарский механизм, поскольку не знал, какие побочные эффекты

это может вызвать. Лучше оставить его там, где он сейчас, и сперва разобраться с непосредственной угрозой. Если эльдарам удастся переместить «Святость» в паутину путей, корабль будет обращен на их нужды или растаскан по частям, а его команду превратят в бездушных, сломленных рабов. Неподходящие судьбы ни для машины, ни для людей Императора.

— Куда они пошли? — спросил Каспел.

— Вниз, к двигателям, — ответил Валлон, который бросил попытки встать на ноги и привалился спиной к колонне. — Я… — он снова закашлялся, и из угла его рта брызнула кровь.

Каспел кивнул.

— Отдыхай. Твои ранения не смертельны, но могут убить тебя, если перенапряжешься, — он обхватил Валлона рукой и помог ему перейти через комнату и сесть в кресло перед когитаторным терминалом. — Ксеносы отключили связь с остальным кораблем. Рано или поздно на мостике это поймут и прорвутся к нам. Когда это сделают, ты понадобишься им живым, чтобы давать указания.

Валлон кивнул. Его кожа была бледна и блестела от пота, но он оставался офицером. Он будет держаться.

— Я найду ксеносов и сделаю то, что должен, чтобы остановить их.

Валлон снова кивнул, затем показал в темный угол комнаты, неподалеку от того места, где он сидел связанным.

— Они отобрали мой болт-пистолет, прежде чем я смог его использовать, — сказал он и прервался, чтобы сделать еще один болезненный вдох. — Бросили его вон туда. Он церемониальный, но работает.

Каспел кивнул с благодарностью и последовал туда, куда указывал Валлон. Он нашел его пояс с кобурой, грубо рассеченный пополам, когда эльдары сорвали его с офицера, но болт-пистолет все еще был на нем. Оружие было тяжелым, тщательно отполированным, с вычурными узорами, выгравированными на стволе. Оно было явно декоративным — награда за какие-то предшествующие бои — но могло оказаться полезным.

Кивнув Валлону на прощание, Каспел проверил магазин пистолета и покинул генераториум. Следуя за энергокабелями чужаков, он направился обратно к двигателям.

Хотя технопровидцы были более близки к работе машин, чем людей, Каспел, тем не менее, понимал, что шокирован, и что если он хочет продолжать действовать эффективно, лучше всего продолжать двигаться, действовать, не задумываясь. Однако ему пришла в голову мысль

о том, как быстро изменилось его восприятие.

С момента убийства двух эльдаров при помощи лопастей вентилятора он был покрыт их засохшей кровью. Час назад даже мысль о капле крови чужаков, коснувшейся его, была для него ужасным образом, который следует немедленно подавить. Стычки с эльдарами изменили это. Да, ксеносы были ненавистной мерзостью, но, сколько бы отталкивающими они не были, не надо было опасаться их физических отличий. Угрозой являлись не их кровь, плоть и кости, пусть они и были отвратительны.

Нет, тем, чего, как Каспел знал, стоило бояться, с чем стоило бороться, были темные намерения чужаков и способность выместить свою волю на человеческой расе. Их действия на корабле это продемонстрировали. Лишь небольшая группа проникла на «Святость», но они осквернили все на своем пути, пытали верного офицера Имперского флота, запятнали когитаторы мусорным кодом и опоганили драгоценный источник питания корабля своими гнусными машинами.

Это было тем, чему Каспела всегда учили, но чего он никогда не испытывал — даже малейшее прикосновение Хаоса или легчайшее соприкосновение с чужеродным мышлением оскверняло, и любое их проявление необходимо было уничтожать силой и огнем. Каспел выучил эти абстрактные уроки уже давно, но только сейчас он понял, что они основывались на конкретных фактах.

Небольшое пятно скверны, не будучи устранено, может подвергнуть опасности все.

Каспел остановился, как вкопанный, мысли стремительно опережали его. Конечно, этот простой урок… это был принцип, по которому люди Империума жили и умирали, но Каспел раньше не осознавал, что это может относиться и к затруднительному положению корабля. Теперь все это обретало смысл; он мог понять, в чем проблема.

Один из двигателей «Божественной Святости» вышел из строя — не только в плане работы, но и в отношении диагностики. Когитативные механизмы, которые компенсировали каждую поломку, интерпретировали повреждение двигателя как нарушение подачи энергии и попытались перенаправить огромное ее количество от генераториума, чтобы устранить мнимую неполадку. Благодаря этой нелепой ошибке остальные двигательные установки не могли получить достаточно энергии, чтобы сдвинуть корабль с места. Это, конечно, было проблемой, но вместе с тем не дало эльдарской паразитической технологии работать, как следовало.

Две проблемы, два источника порчи в машине. Вычистить оба, спасти все целое. Элегантная простота, которая сошлась, как огромные шестерни, с щелчком встающие на место. Каспел инстинктивно, с почтением дотронулся до золотой шестеренки Адептус Механикус, свисавшей с цепочки на его шее. Как всегда, машина предоставила решение, и техножрецу пристало следовать ее указанию.

Каспел ускорил шаг. Он знал, где будут эльдары, и знал, как справиться с ними.

Каспел вновь оказался там, где начал день — в помещении, где находилась поврежденная двигательная установка. Энергетическое поле, благодаря которому атмосфера не улетучивалась через разрыв в обшивке, по-прежнему мерцало на месте.

Проникнув в комнату и пройдя под переборкой, которая могла быстро упасть вниз и запечатать этот участок в случае утечки атмосферы, Каспел расслышал высокие голоса эльдаров и лязгание их бронированных сапогов о леса. Чужеродные кабели тянулись дальше по проходу и исчезали справа, в бреши на боку двигательной установки. Тела сервиторов, которых Каспел оставил работать над повреждениями двигателя, валялись по всему проходу, стремительно разделанные на части эльдарскими клинками.

Как Каспел и предполагал, эльдары работали над ядром поврежденного двигателя, за пределами его зрения.

Справа от Каспела возвышалась огромная шестиугольная двигательная установка, по-своему столь же угрожающее, как разрыв в корпусе слева от него, — неясно вырисовывающаяся структура, в которой находились трансформаторы и другие механизмы, превращающие чистую энергию в ускорение, необходимое, чтобы перемещать крейсер в космическом пространстве.

Каспел не мог рисковать, закрыв переборку за собой — частично потому, что это отрезало бы ему путь к бегству, но в основном потому, что тогда эльдары бы узнали о его присутствии, что сделало бы его работу гораздо сложнее.

Линейные крейсера собирались в космических доках, обращающихся по орбите вокруг некоторых миров-кузниц Адептус Механикус. Корабли строились с почтением, на протяжении многих лет, технопровидцы и другие адепты без устали работали над ними в пустоте. Работа неизбежно сводилась к сборке различных частей — компоненты создавались на планете внизу, поднимались на шаттлах, а затем устанавливались на костяк растущего корабля. Под своей обшивкой корабль был не просто машиной, но множеством машин одновременно, собранных в гармонии как единая сущность. Много частей и одно целое.

Каспел знал, что то, что однажды было собрано вместе, может быть разорвано на части. Повреждение корпуса уничтожило многие точки поддержки, которые закрепляли двигательную установку на ее месте в структуре крейсера. По оценке Каспела оставалось пять балок-опор, которые требовалось развинтить вручную. Сами по себе они были огромны, но рычаги управления ими было достаточно легко сдвинуть.

Когда он ослабит эти пять креплений, все, что останется сделать — это разбить одну из многочисленных плазменных капсул двигательной установки. Все помещение окажется изолировано и очистится от атмосферы, и, без удерживающих его на месте опор, двигатель выкатится наружу, в вакуум.

Каспел мог сбить капсулу из прохода одним выстрелом болт-пистолета Валлона. Затем у него останется пара секунд, чтоб отступить обратно в коридор, прежде чем переборки опустятся.

Каспел начал взбираться по боку двигательной установки. Наконец он добрался до большой балки, торчащей из стены и глубоко утопленной в самой установке. Каспел нашел у нее сбоку красный высвобождающий рычаг и сдвинул его назад до упора. Раздался низкий металлический скрежет, который, по счастью, не привлек внимание эльдаров.

Столкновение с кораблем некронов разрушило еще одну поддерживающую балку на направленной наружу стороне двигателя, в то время как на другой стороне оставалось еще две нетронутые опоры. Используя и человеческие руки, и механодендриты, Каспел влез на верхнюю часть двигательной установки, пересек ее и начал спускаться с другой стороны, пока не добрался до балки, параллельной той, которую он только что отсоединил. Он повторил тот же процесс с рычагом, а затем опустился на противоположный проходной мост. Так тихо, как мог, он побежал к тому концу помещения, где располагался маневровый двигатель, вскарабкался вверх и потянул высвобождающий рычаг с той стороны. Оставалось немногое, а именно две вертикальные балки, которые спускались с потолка к верхней части установки. Каспел снова взобрался на ее вершину и медленно начал пробираться по ней. Поверхность была не плоской, и ему требовалось использовать механодендриты, чтобы поддерживать равновесие.

Он достиг первой вертикальной опоры и потянул рычаг. Все, что нужно было сделать — высвободить последнюю балку, вернуться к двери и выстрелить в плазменную капсулу.

Почти завершив свою работу, Каспел начал осторожно приближаться к последней балке, двигаясь назад по верху машины, прочь от маневровых двигателей. В это время голоса эльдаров стали громче. Он близился к тому месту, где удар по корпусу наиболее сильно повредил двигательную установку, туда, где работали эльдары.

Каспел достиг последней опоры и потянул последний рычаг. Почти что сделано.

Он оставался наверху установки, быстро, но осторожно двигаясь в направлении выхода. Там, где двигатель был поврежден, ему приходилось пробираться между временными лесами, обеспечивающими доступ к требующим ремонта местам. Он взглянул вниз, в паутину лесов.

В самом сердце двигательной установки работало двое эльдаров, за которыми наблюдал третий, явно бывший их лидером. Как и Каспел, эльдары осознали, что поврежденный двигатель не только остановил корабль, но и не позволял им вытягивать энергию из генераториума, чтобы затащить «Святость» в паутину путей. Они, похоже, нашли собственное решение и устанавливали сложный механизм в сердце поврежденного двигателя, используя раскаленные добела высокоточные инструменты.

Каспел содрогнулся от этого последнего преступления против духа машины.

Предводитель, который снял свой шлем, демонстрируя жестокие черты лица и глубоко посаженные черные глаза, явно был недоволен ходом работы его воинов-техников; с властным видом он расхаживал по брусьям лесов. Он дернулся влево, вправо, а затем, по-видимому, закатив глаза, посмотрел вверх.

Взгляд эльдарского главаря наткнулся на смотрящего вниз Каспела. Чужак пролаял команду своим бойцам.

Отбросив осторожность, Каспел нырнул под леса и побежал по верху машины так быстро, как только мог, все время стараясь не оступиться. Позади он мог слышать металлический шум — кто-то взбирался по лесам.

Он достиг края машины со стороны обшивки, и оставалось лишь небольшое расстояние до двери, ведущей к другим частям корабля, когда раздался резкий звук выстрела, а следом еще один. Что-то ударилось о потолок возле головы Каспела и разлетелось вдребезги, но второй выстрел оказался точнее. Тонкий осколок кристалла вонзился в плечо Каспела, пройдя до самой кости. Ошеломленный болью, он скатился с верхней части машины, пролетел оставшееся расстояние и тяжело рухнул на мост внизу.

Какая-то часть его разума напоминала ему, что эльдары используют отравленное оружие, но это была наименьшая из тревог Каспела. При падении он сломал ногу, а рука ниже раны в плече полностью онемела. Он слышал вопли предводителя эльдаров.

Каспел перекатился на спину и посмотрел в проход. К нему бежал эльдар, подняв оружие.

Ему оставались секунды жизни. Времени не было, не было спасения.

Каспел сунул здоровую руку под мантию, нащупал болт-пистолет Валлона. Он огляделся и засек местоположение серебристой сферы плазменной капсулы, расположенной чуть дальше на двигателе — ее металлическое утолщение выгибалось на боку машины. Каспел поднял пистолет, и в то же время его механодендриты потянулись вбок, к двигательной установке, нащупывая и хватая трубы и стойки.

Время как будто замедлилось, эльдар заносил свое оружие, а Каспел целился. Он не был воином, но был технопровидцем, у него были острые глаза и ум, чтобы рассчитать траекторию. Каспел надавил на спуск.

Плазма выплеснулась волной неудержимой голубой энергии, поглотив ближайший отрезок моста, который разлетелся на части, вышвыривая эльдара через разрыв в обшивке. Энергетическое поле зашипело, когда эльдар пролетел через него наружу, в пустоту, но осталось целым. Хотя Каспел находился прямо за пределами выброса плазмы, настил под ним выгнулся, и он остался мешком висеть на боку двигательной установки.

Освещение изменило цвет на темно-красный, загудел клаксон. Каспел услышал, как с грохотом падают переборки, отделяя помещение от остального корабля.

Затем началось — вся двигательная установка отсоединялась от «Святости», с грохотом высвобождаясь и выкатываясь из своей камеры маневровыми двигателями вперед. При ее движении пласталевая стена, отделяющая установку от маневровых двигателей, разлетелась в

клочья, и атмосфера начала стремительно покидать помещение. Каспел увидел, как предводитель эльдаров поднялся из разрушенной части двигателя, только чтобы его вытащило в космос. По мере того, как установка двигалась наружу, ломая все на своем пути, леса поверх поврежденных участков раскололись на тысячи осколков, рассеявшихся в космосе.

Каспел не видел, как погибли другие эльдары, но ему это и не нужно было. Никто не уйдет живым.

Крепкая хватка механодендритов удерживала его, не давая улететь, когда двигательная установка наконец выскользнула из «Святости». Затем Каспел воспарил в пустоте, свободный от искусственной гравитации корабля, цепляющийся за испорченную машину.

Воздуха больше не было, с ним исчезла и передача звука, и он слышал лишь собственное исступленное дыхание, отзывающееся эхом внутри маски. Герметичная маска со встроенным ребризером позволяла ему прожить в вакууме немного дольше, чем его врагам.

Линзы начали замерзать, но Каспел оглянулся и к своему удовлетворению увидел, что с устранением поврежденной установки оставшиеся маневровые двигатели снова заработали, запускаясь в автоматическом порядке проверки. «Святость» вновь ожила, ее машинный дух был в безопасности, а команда могла присоединиться к войне на другом фронте.

Как бы то ни было, война Каспела закончилась. Хотя его аугметика позволяла ему какое-то время жить в вакууме, она не предоставляла защиты скафандра. Он покрывался изморозью. Если он еще дольше пробудет в космической пустоте, наиболее уязвимые части системы жизнеобеспечения растрескаются.

Впрочем, Каспел подозревал, что не проживет достаточно долго, чтобы это увидеть. Высвободившись из хватки «Святости», двигательный блок начал подвергаться воздействию силы тяжести планеты внизу. Каспел обхватил механодендритами механизмы позади себя и посмотрел вниз, на планету.

Очень скоро он вспыхнет, как только двигательная установка войдет в плотные слои атмосферы, и сгорит вместе со всеми частями двигателя, кроме самых устойчивых. Но на секунду до того, как его зрение уничтожил слепящий свет вхождения в атмосферу, Каспел максимизировал возможности своих аугментированных чувств, позволив потоку сенсорных данных поглотить его.

На мгновение Каспел оценил вид чужого мира. Огромные серо-коричневые континенты, пестрящие лесами и прожилками горных хребтов. Моря и озера фиолетово-синего цвета. Обрывки облаков в атмосфере. Беспорядочная серая масса некогда великих городов, давно покинутых тем видом, каким бы он ни был, который ходил по этой земле.

Падая к своему первому и последнему соприкосновению с чуждой землей, Каспел не чувствовал ни страха, ни ярости, только восхищение перед масштабом и сложностью мира внизу, перед бесконечно изощренными механизмами вселенной, превосходящими знания и

ритуалы его науки, которые для него навсегда останутся чужими.

http://tl.rulate.ru/book/30591/666180